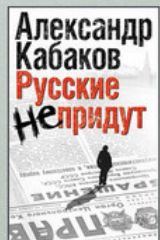

Александр Кабаков

Зал прилета

Часть сборника
Русские не придут (сборник)

Александр Абрамович Кабаков

Зал прилета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=652995

Русские не придут / Александр Кабаков: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-065882-4, 978-5-271-27087-1

Аннотация

«Первый кондратий хватил Петра Михайловича осенью. Конечно, П. М., человек, по современным меркам, вполне культурный, знал, что архаическое «кондратий» на медицинском есть не что иное, как инсульт, а инсульта у него мимолетный врач даже не заподозрил, да и действительно, вроде бы никаких общеизвестных признаков инсульта, или, что то же самое, апоплексического удара, или, опять же, кондратия, кондрашки, – не было. Встал и пошел, только ноги слабые, и вдруг, уже в такси и гостинице, напала неудержимая дрожь: руки и все тело тряслись с жуткой силой, бросало в разные стороны. Но ведь не паралич, не потеря речи, даже голова не кружилась, так что ни о каком кондратии нечего было говорить, но П. М. нравилось так называть то, что с ним случилось в ноябре в Лондоне. Попал П. М. в Лондон той осенью в результате последовательности всех наиболее важных событий своей пятидесятипятилетней жизни. До поры до времени он жил обычно, в меру и неудачно, и удачно, не слишком сильно отклоняясь в поступках от нормы для своего происхождения и круга, однако отклоняясь в мыслях,

что дало бы человеку умному и опытному основания предсказать вулканический выброс, который случился в судьбе П. М.»

Александр Кабаков

Зал прилета

Юрию Валентиновичу Трифонову

Первый кондратий хватил Петра Михайловича осенью. Конечно, П. М., человек, по современным меркам, вполне культурный, знал, что архаическое «кондратий» на медицинском есть не что иное, как insult, а insultа у него мимолетный врач даже не заподозрил, да и действительно, вроде бы никаких общеизвестных признаков insultа, или, что то же самое, апоплексического удара, или, опять же, кондратия, кондрашки, — не было. Встал и пошел, только ноги слабые, и вдруг, уже в такси и гостинице, напала неудержимая дрожь: руки и все тело тряслись с жуткой силой, бросало в разные стороны. Но ведь не паралич, не потеря речи, даже голова не кружилась, так что ни о каком кондратии нечего было говорить, но П. М. нравилось так называть то, что с ним случилось в ноябре в Лондоне. Попал П. М. в Лондон той осенью в результате последовательности всех наиболее важных событий своей пятидесятипятилетней жизни. До поры до времени он жил обычно, в меру и неудачно, и удачно, не слишком сильно отклоняясь в поступках от нормы для своего происхождения и круга, однако отклоняясь в мыслях, что дало бы человеку умному и опытному основания предсказать вулка-

нический выброс, который случился в судьбе П. М.

Но он сам не предсказывал, а только надеялся.

Образование получил соответствующее семейной традиции: все мужчины, родственники и по отцу, и с материнской стороны, были экономистами в широком диапазоне – от карикатурно робкого дядьки-бухгалтера до карикатурно вальяжного дядьки-профессора, заведующего кафедрой и членкора. Отец занимал карьерное место где-то посередине, дослужился к пенсии до главбуха большого завода. Он и внешне был неприметен, терялся в потоке работяг у проходной, но, когда перевалило ему уже за семьдесят, услышал однажды П. М. от довольно молодой и красивой женщины: «Ну отец-то у тебя красавец». С оттенком сожаления.

Сам же П. М. оказался к фамильному делу малопригоден, хотя в институте учился хорошо и по окончании пошел в науку. Но тут-то и выяснилось, что сессию сдать на повышенную это одно, а нечто новое самому обнаружить или придумать – другое, тут одной памяти мало. И спустя недолгое время, не желая оставаться обычным придурком-мэнээсом, которых в академическом институте и так было полно, на всех никакого кавээнна и общественных нагрузок не хватало, П. М. занялся историей экономики. Пристроился при бюллетене, стал пописывать популяризаторские статьи, собрал из них даже книжечку – словом, жил прилично и не без удовольствия, полагая, что так и доживет до пенсии: умение довольно ловко складывать слова, сообразительность, помога-

ющая компилировать осмысленно, маленькая зарплата, зато какие-никакие гонорары, раз в два года двадцать один день в Международном доме ученых в Варне и некоторый артистизм одежды, выражавшийся в чешском твиде и польском вельвете... Женился на приличной интеллигентной ровеснице, развелся и женился снова на такой же точно, родил сына, который как-то удивительно быстро вырос, выучился на отличного программиста и существовал вполне самостоятельно... Все было терпимо.

Только безнадежно.

Мечтал, конечно, но не ждал ничего. Как вдруг загрохотали перемены. П. М., которого к этому времени молодые коллеги уже называли только так, полностью, хотя под конец служебной пьянки могли назвать и Петюней, но уважительно и с любовью, перемены сразу и естественно очень понравились. Во-первых, воспитавшись в семье абсолютно лояльной и даже в какой-то степени правоверной, он сам необъяснимым образом оказался с ранней юности не то чтобы инакомыслящим, протестантом, но недовольным каким-то, раздраженным. Не нравилось ему все: и слова, и дела, в особенности дела прошлые, – о которых он слышался много такого, во что почему-то сразу поверил, – той власти, при которой он родился и всю жизнь прожил. Может, просто слишком много прочитал в детстве книг... Ну и перемены поэтому, конечно, понравились. А во-вторых, перемены эти принесли П. М. мгновенный и совершенно оглушивший его лич-

ный успех. В самый их разгар опубликовал он в скромном своем бюллетенишке маленькую статью, в которой абсолютно популярно, как ему было свойственно, отнюдь не на серьезном научном уровне изложил некоторые известные любому третьекурснику экономического факультета идеи классической науки – но применительно к текущему времени. И оказалось, что идеи эти совершенно революционные, невероятно смелые, актуальные и притягательные. Как если бы кто-нибудь сообщил в сумасшедшем доме, что никаких наполеонов в одиннадцатой палате не водится, настоящий Наполеон давно помер, что дважды два четыре, огонь жжется, а голоса инопланетян, слышимые многими, – лишь симптом болезни.

П. М. прославился, попал в избранную компанию застрельщиков перемен и скоропостижных любимцев меняющейся публики, огреб кучу (по его понятиям) денег в отечестве и особенно от заграничных сочувствующих. Жизнь его дернулась, как автомобиль, управляемый неумелым водителем, подпрыгнула и рванулась с места, рыча и захлебываясь. Абсолютно незнакомый ему до этого достаток свел его с понастоящему хорошими одеждой, едой, напитками и прочей роскошью, о существовании которой он только читал, но читал, признаем, всегда очень внимательно. Известность протащила его по странам, в которых он никогда бы не побывал даже при полностью открывшихся границах – просто в голову бы не пришли, даже если бы и было на что ездить, Нор-

вегия, к примеру, или Австрия. А в Париже так и вообще долго пожил, освоился... В родном городе его начали узнавать на улицах, и в сочетании с природным добродушием и быстро появившейся манерой расплачиваться за всех и не считая слава вызвала растущую любовь населения вообще и женщин в особенности.

Словом, П. М. победил.

И за это перемены-то полюбил всем сердцем: раньше было плохо всем и ему в частности, теперь же всем будет лучше, а ему гораздо лучше уже.

И прошли, причем очень быстро, с нарастающим ускорением, годы новой жизни. То, что они неслись со все большей скоростью, объяснялось и причинами общими человеческими – с возрастом время у всех сокращается, и индивидуальными – накатывались одно на другое новые впечатления, сбивая, тесня друг друга, уплотняя дни и месяцы...

И однажды П. М. обнаружил, что жизнь новая уже стала довольно старой, привычной и гораздо более невыносимой, чем предыдущая, старая жизнь, когда он еще не знал, что бывает новая и приятная. Собственно, предыдущая жизнь вообще не была невыносимой, просто скучноватой, а вот состарившаяся новая оказалась какой-то надрывной, треснутой, с сильным оттенком безумия, мыслями о смерти и тому подобными серьезными гадостями. Как-то так выходило, что первая жизнь была не совсем всерьез, была заполнена затянувшейся игрой воображения, безобидно буйствовавшего

на фоне неизменной, как белый задник в фотоателье, реальности и все огорчения, как и радости, проживались не на самом деле, а в фантазиях; вторая же вместе с настоящими, реальными радостями и приятными переживаниями наполнилась такими же настоящими бедами, огорчениями по стоящим того поводам, весьма мучительными страстями.

П. М. испытал сильно покоревшую его любовь; отношения с близкими превратились в одну непроходящую горечь; он узнал, что такое быть объектом зависти, и – смешно сказать, при его-то успехе – впервые сам почувствовал, что такое завидовать отчаянно. Оказавшись среди людей, сделавших карьеру давно и теперь, на ходу приспособливаясь к новым требованиям, только развивавших успех, он ощутил жгучую неприязнь к ним: догнать-то догнал, но об обгоне нечего было и мечтать, более того – хорошо тренированные, они снова набирали скорость. И не было никакого справедливого обновления, вечные генералы сохраняли свои звезды, вечные гауптвахтники сохраняли свои репутации и ловко ими пользовались, а он – прорвавшийся, перелезший через стену в заветный сад! – слонялся по нему один-одинешенек, старые и постоянные обитатели посматривали в лучшем случае снисходительно, а долбящие стену снаружи и пишущие на ней всякие ругательства с презрением плевали вслед.

Однако, будучи послушным скорее долгу, чем своим желаниям, П. М. не уменьшал усилий, которые требовались, чтобы просто удерживаться на достигнутом уровне. Сочинял

регулярно новые статьи, не вызывавшие уже, конечно, такого шума, но все же напоминавшие о существовании автора; появлялся всюду, где появление людей комичного нового высшего света предполагалось; общался с журналистами, которых ненавидел за их модную манеру все хаять, но терпел и их... Словом, жил, как было в его статусе положено.

И это миновало тоже. Настал день, когда П. М. огляделся с последним отвращением и решил, что пора жить третьей жизнью.

Под слезы машинисток, недоуменные и отчасти обиженные задушевные беседы коллег и неуверенные отговаривания начальства он уволился из бюллетеня. Его еще не до конца забытое имя героя славного десятилетия помогло найти службу в богатой конторе из современных: деньги неведомо откуда, предмет деятельности неведомо какой, хозяин неведомо где, зато очевидны мраморные полы, картины бывших бульдозерников в кабинетах и толпа дорогих машин у подъезда. Стал получать деньги, соизмеримые с теми, что сыпались в разгар славы. Попытался исполнять обязанности «главного консультанта», но почти мгновенно понял, что, во-первых, этих обязанностей просто нет, во-вторых, даже если бы они и существовали, никто с его макроэкономическими поучениями здесь считаться не стал бы, поскольку выколачивать из очумевшей страны бабки и так умеют, и, в-третьих, он для такой реальной современной деятельности вообще непригоден. Почувствовал вдруг жуткую усталость,

и сразу отвращение к третьей жизни сделалось еще сильнее, чем испытанное ко второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.